

кресло, провелъ рукою по волосамъ и, обратившись къ своей спутницѣ, воскликнулъ непринужденно:

— Ну, теперь—безъ тайнъ; снимите же вашу маску!

Сусанна стояла неподвижно, точно черный блестящій призракъ. Онъ медленно подошелъ къ ней, смущенный ея манерой, и, почти столько же любопытный, сколько влюбленный, нѣжно притянулъ ее къ себѣ, и такъ какъ она все еще не сняла маски, онъ быстрымъ и умѣлымъ жестомъ развязалъ ея шнурки.

Это было предъ каминомъ, между двумя зеркалами, отражавшими ихъ, и подлѣ люстры, освѣщавшей лицо Сусанны. Когда маска упала къ ихъ ногамъ, изумленіе Эдуарда было такъ велико, что обѣ его руки, обвивавшія Сусанну, произвольно опустились. Въ своемъ возбужденіи она была такъ хороша и такъ величественна, что смѣлый юноша былъ объятъ благоговѣніемъ и изумленіемъ. Онъ видѣлъ, что это не одна изъ тѣхъ пошлыхъ маскарадныхъ барынь, которыя пассивно отдаются случайности: онъ понялъ, что это—огромное, необычайное счастье, значенія котораго онъ не понималъ, и онъ думалъ, что надо окончательно побѣдить эту женщину, которая сама къ нему пришла. Поэтому онъ робко приблизился къ ней, взялъ ее за руку и усадилъ ее. Потомъ онъ опустился у ногъ ея, говоря ей все хорошее, красивое и умоляющес, что онъ зналъ; онъ шепталъ